
Женечке

Я очень по тебе скучаю.
Но безотчётно замечаю,
Что всё решительно не так.
Полоска горизонта косо
В бега уходит. И с откоса
Закатно смотрит полумрак.
Я по тебе скучаю очень.
Мой чёрный день не оторочен
Канвою света. И конвой
Вчерашних ангелов безумен.
А если кто из них разумен —
Помечен метой роковой.

Двойные смыслы, дно двойное,
Стандартов не пересчитать.
А если — небо голубое?
А если — поле золотое?
А если — просто благодать?
Зачем природы отрицанье
Из года в год, из года в год,
Когда чуть затаишь дыханье —
И звёзд высокое мерцанье
Тебе спокойствие пошлёт.

Не надо умирать, пока повсюду жизнь
И прошлое кричит о будущем всечасно.
Но надо понимать: из многих дешевизн
Останется лишь та, что менее опасна.
Я вычерпал до дна сомнения свои,
Аукайся теперь с надеждами пустыми.
Вот — скоро месяц май. Ударят соловьи,
Которых не найти ночами проливными.
Больная тишина запомнится легко
Всему наперекор — по вычурному складу.
Но очень далеко, печально далеко
Безумие сорвёт последнюю досаду.

По старым адресам
Слова мои нагие
Отвергнуты давно — почти до одного.
Я душу выну сам,
Пока ещё другие
Не вынули её из тела моего.

Звон колокольный в тишине
Почти вечернего накала.
И боль опомнилась во мне,
И ни конца ей ни начала.
Уходит небо в небеса
Без обещания вернуться.
И все чужие голоса
Во мне божественно сольются.
И осень, жгущая ботву
На опустевших огородах,
Разноязыкую листву
Читает в дерзких переводах.

Большое виденье войны
С великолепием деталей
Без орденов и без медалей,
Без погребальной тишины.
Она убита, тишина,
Ещё на отступах к забвенью,
Где всё противится решению
Простить иные времена.
Уже дождём не оживить
Мои обугленные губы,
И жёсткой памяти не любы
Попытки боль остановить.

Печаль разольётся до края,
А дальше — почти забытьё.
И осень, очки набирая,
Уже не уступит своё.
Она ничего не итожит,
По-своему руша покой.
И разве смиренью поможет
Последних стихов разнобой?
Вопросы поставлены круто,
Но в них проступает беда:
Ты путал следы, а запутал
Себя — и пропал без следа.

Сашеньке

Зимняя вьюжит дорога,
Ночь не прибавит огня.
— Было ли детство у Бога? —
Дочка спросила меня.
Как мне ответом согреться?
Хлопьями падает снег.
Бог, не впадающий в детство,
Смотрит печально на всех.

Какие виражи закладывал!
Какие песни затевал!
Какое солнышко закатывал
Вручную на лесной увал!
Ах, годы! Морок отчуждения
И заповедная тоска,
И невозможность убеждения,
Что всё в былом — наверняка.

Надежде Красиковой

Разольётся Чарыш и нескоро войдёт в берега.
Где отступит вода, там земля облегчённо вздохнёт.
И воспрянет природа, красива, тиха и строга.
И звезда своё место на небе весеннем найдёт.
А течение лет разве сызнова вспять повернёшь,
Всё былое своё опрометчиво вдруг вороша?
Нет покоя ни в чём. И в себе его вряд ли найдёшь.
Ну и ладно. И пусть. Жизнь сама по себе хороша!

Над бездной — небо голубое,
Под небом — бездны высота.
И откровение святое
Устами горькими Христа:
«Не с нами время золотое.
И я приветствовать не рад
Своё пришествие второе
На землю, грешную стократ».

Между строк
Ветер гонит и гонит слова.
Точно в срок
Отгорела скупая листва.
А предзимье
Размыто последним дождём.
Вечер — дымный.
Чего же мы истово ждём?
Тучи — в клочья.
Успеет ли небо прозреть?
Время — волчье.
Какую победу воспеть?